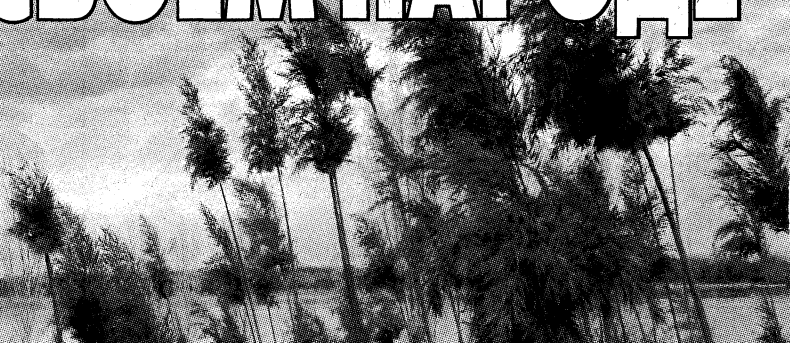

На 90-м году жизни скончался известный прозаик и поэт, почетный гражданин Волгоградской области, член Союза писателей России Евгений Кулькин. Интервью с ним мы готовили к его юбилею, к 15 мая, но, к большому сожалению, оно стало последним. Писатель не дожил до своего дня рождения всего несколько дней... Он не раз бывал в нашей «Литературной гостиной», и всегда его ответы были предельно откровенны, отражали его гражданскую и творческую позицию. Этот разговор не стал исключением, но теперь он воспринимается как последнее обращение и напутствие мастера.

Евгений Кулькин:

ПИСАТЕЛЬ ОБЯЗАН ПРАВДИВО И ЧЕСТНО РАССКАЗАТЬ О СВОЕМ НАРОДЕ

СВОЕ ПОСЛЕДНЕЕ
ИНТЕРВЬЮ ПРОЗАИК ДАЛ
«ВОЛГОГРАДСКОЙ ПРАВДЕ»

Любить, как молиться

– Евгений Александрович, начать хочется с такого вопроса – что такое любовь, каждому ли человеку она дается?

– Я бы хотел ответить на ваш вопрос двумя пословицами. Одна звучит так: «Каждый любит в одиночку, точно так же молится». Вторая, естественно, тоже о любви: «Человечество любить легко, человека – труднее».

Но сперва стоит поговорить о любви – если честно подойти к определению этого чувства, то нетрудно убедиться, что оно явление все же лукавое. К чувству непременно приходится прибавить и продукт рассудка, и даже творческой фантазии. Человек как бы конструирует любовь. Создает в воображении тот самый идеал, который в конечном счете и понесет груз безусловности.

Первое высказывание можно принять в чистом

виде, а вот вторую пословицу стоит несколько переиначить, чтобы она звучала «Литературу любить легко, писателя – труднее».

А все дело опять же в том, что любовь писателя – чувство строгое, совершенно бескомпромиссное. И если утверждают, что кто-то кого-то простил из-за каких-то высоких побуждений, там просто не было любви.

– С каких писателей началось ваше знакомство с литературой?

– Писателей я пытался любить с детства. И первым, кто подпал под это чувство, был Лев Толстой. Прочитал его «Казakov» и чуть не умер от восторга. Кинулся читать все, что им написано. И вдруг уловил в себе неполноценность.

Все восхищались «Войной и миром», а я отнесся к этому роману равнодушно. Такая же участь постигла и Ивана Тургенева – «Записки охотника» меня пленили, а «Отцы и дети» роман я едва осилил.

– А поэты?

– Я восторгался Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Есениным, но с большой натяжкой воспринимал Блока и совершенно был равнодушен к Маяковскому.

И тогда мною была понята одна, может, кому-то и покажется спорной, истина: над писателем, в сущности, тяготеет миф. Вот начинают все, читающие и нечитающие, говорить, что такой-то писатель если не гениален, то необходим эпохе или противопоставляет себя эпохе, и это нагнетание порождает популярность, а то и моду.

И я, презрев критиков и прочих тех, кто мне внушал, что в литературе язык не главное, начал продираться к собственному чувству той самой интимной любви к отдельным писателям. И сразу же, можно сказать, погорел на Михаиле Шолохове.

– Разочаровались?

– Я любил его творчество, как девицу, нежно и трепетно. После глыбы

«Тихого Дона» простил менее значимую высоту «Поднятой целины». И был тут же сражен «Судьбой человека». И окончательно доконал меня роман «Они сражались за Родину».

– Есть книги, которые вы не смогли дочитать до конца?

– Не стал слушать до конца роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», который мы читали вслух с Елизаветой (супруга Елизавета Иванникова. – Прим. авт.), хотя до этого он покорила меня «Белой гвардией».

Порадовал меня своими «Плотницкими рассказами» Василий Белов и намертво уничтожил романом «Все впереди». Валентин Распутин, написав «Прощание с Матерой» и «Живи и помни», не должен был, на мой взгляд, опускаться до «Пожара». Ста шагами назад в творчестве Виктора Астафьева явился его роман «Печальный детектив».

Продолжение на стр. 20 – 21

СТИХИ ЕВГЕНИЯ КУЛЬКИНА, НАПИСАННЫЕ ИМ В РАЗНЫЕ ГОДЫ

Я горжусь своей
русской фамилией,
Я казачьего имени
сын.
Не терплю, чтоб в лицо
мне хамили,
И не дрогну один на
один.
Заглянув в глубину
родословной,
Где моя бедовала
родня,
Знаю я, что обидится
кровно
Прапрадедушка
на меня.
Коль скажу: «И
фамилия ж Кулькин,

Говорят еще, правда,
Кулькин,
И играют со словом в
бирюльки
Доморощенные
остряки».
Но, нахмурив тяжелые
брови
Над холодной
пасмурью глаз,
С грубоватой казачьей
любовью
Поведет он о матери
сказ.
Акулина осталась
вдовою,
Одиношенькой,
в двадцать-то лет,

Баба стала в семье
«головою»,
Только с сыном
держала совет.
Улыбался малютка
невинно,
Он еще не умел
говорить.
Но отравой горькой,
полынной
Стали сладкие сплетни
ходить.
Кулькой звали ее,
Акулину,
А боялись-то пуще
врага,
Что повяжет косой
своей длинной

Казakov по рукам и
ногам.
Так жила, и пахала, и
жала,
И красавицей первой
слыла.
Только больше детей
не рожала,
Потому что без мужа
была.
Кулькин сын был не
тюха-матюха
И не очень-то
ласковым рос.
И однажды за
прозвище «Шлюхин»
Он расквасил обидчику
нос.

«Воспитала
волчонка!» – шипели,
Но зато
не смеялись в лицо,
И теперь Акулину не
смели
Обзывать
непристойным
словцом.
Много вихрей
над Доном
промчалось,
Много видел
он горя и слез.
Мне фамилия Кулькин
досталась,
Чтобы я ее гордо
пронес.

Начало на стр. 19

– Я так понимаю, список книг, которые вы отложили с огорчением в сторону, можно продолжить? А есть и другие писатели?

– Да, это, к примеру, Евгений Носов. Он как раз из тех, кто не позволяет себе расслабиться, пойти на поводу у невзыскательного читателя, отказаться от борьбы за образное русское слово, отринув чужое внушение, что это сейчас никому не нужно.

– А кого из современных авторов читаете?

– Назвал бы имя московского писателя Георгия Пряхина. В один из приездов в Волгоград он подарил мне несколько своих книг: «Интернат», «Мираж», «Сераль – 55».

Да, я открыл для себя необыкновенного писателя Георгия Пряхина, который пришел в литературу вроде бы с теми же темами, которые сто раз звучали, но с таким удивительным совершенно пряхинским языком и с той поразительной честностью, которая позволяет прощать любые грехи. Я не просто читал его книги, я в них жил.

Автор окунул меня не только в толщу жизни, о которой живописал, но и опустил в бездну всего знакомого, вместе с тем неведомого, в ощущение зримого восприятия слова. И тональность его произведений, и удивительное мышление в образах – все это слилось, срослось, спелось.

Мое казачье детство

– А какую из ваших книг вы считаете главной?

– В свое время Александр Серафимович Серафимович как бы определил для меня планку, преодолев которую, писатель может

называться настоящим. Помимо обладания художественным письмом, он обязан правдиво и честно рассказать о своем народе, о роде, стезю которого он продолжает, о детстве и непременно о жизни, связанной с биографией, об истории земли, на которой пребывает, о событиях, которые стали судьбоносными для всей страны. И еще Серафимович сказал: «Настоящий писатель, вопреки пословице, должен стать пророком в своем Отечестве».

Две трилогии – «Смертный грех» и «Прощенный век», вошедшие в пятитомное собрание сочинений, повествуют о событиях, которые в том числе коснулись и моего казачьего рода и охватывают исторический период в добрых полстолетия. В них заложены основы глубинного понимания происходящего на нашей донской земле, когда рушились вековые традиции взаимопонимания, беззаветности и гордости моего родного народа.

Недавно мы отметили 100-летие геноцида казачества, а впереди 420-летие служения донского казачества Отечеству. И я благодарю Бога, что он дал мне возможность написать эти дорогие моему сердцу книги.

– Говорят, самая любимая книга – еще не написанная...

– А я бы добавил – и неизданная. Поэтому с нетерпением жду к юбилею выхода романа в трех частях «Мания».

– Мы родом из детства. Каким оно было у вас?

Евгений Кулькин:

ПИСАТЕЛЬ ОБЯЗАН ПРАВДИВО

– Советую прочитать мой роман «Последний день лета». Эта книга – гимн казачьему детству. Над рукописью я как бы даже и не работал. Она стала моим дыханием, сердцебиением, почти потусторонним восприятием мира, в котором участвовало не только сознание, но и душа. Мое шаловливое детство было настолько ярким, что до сих пор озаряет жизнь. Оно дало мне родовую память, потрясающий по глубине язык и тех героев, которые населяют мои книги.

– Правда, что в детстве вы, рано научившись читать, забирались через форточку библиотеки и читали там все подряд?

– Читать я научился так рано, что когда пошел в школу, мне было невыносимо скучно учиться грамоте со сверстниками. Поэтому, учитывая озорной характер, много бедокурил, часто бывал наказан и скрашивал наказание чтением.

В доме был культ книги, и если я книгу открывал, все меня оставляли в покое. Немудрено было и в форточку залезть в библиотеке, где было книжное раздолье. У меня было особое чутье на хорошие книги, я их находил где угодно.

И я очень рано усвоил, что начитанность является главным достоянием человека.

Чарующая магия пера

– Своей музой вы всегда называете супругу – талантливого поэта Елизавету Иванникову. Как вы познакомились? В чем секрет вашего семейного долголетия?

– Я познакомился с Елизаветой заочно, увидев опубликованную в «Молодом ленинце» целую полосу удивительных стихов.

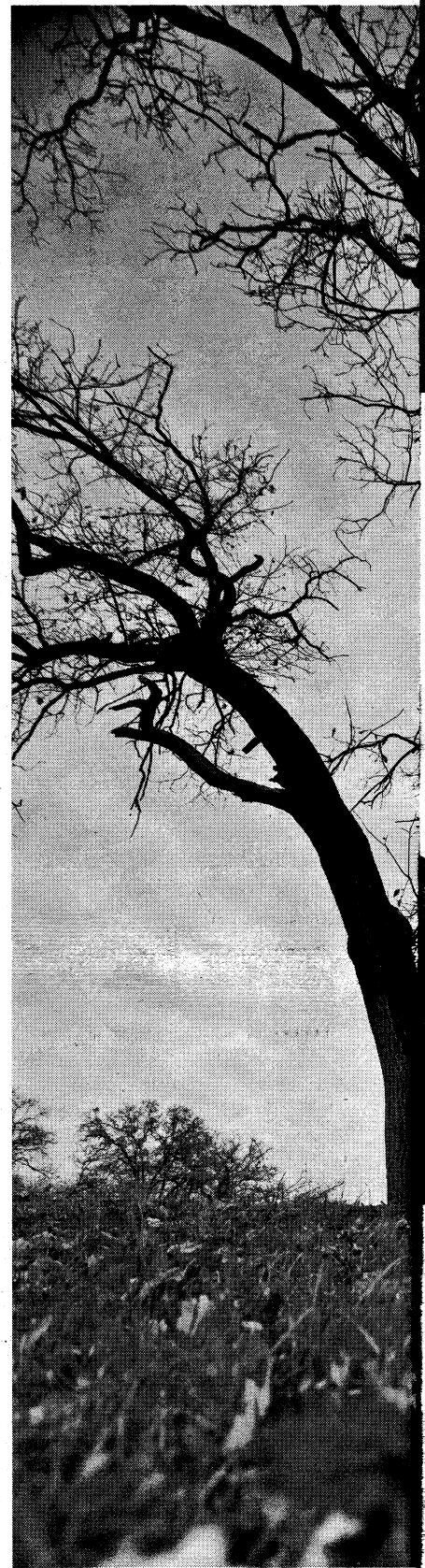
Когда на занятии литературного объединения «Березка» я прочитал убивающие своей неожиданной образностью стихи, то поэт Юрий Щербаков спросил: «Кто это написал?» Я ответил. И добавил: «Между прочим, ей суждено быть моей женой». Так все и случилось. В этом году исполнилось сорок лет, как мы вместе идем по жизни. Секрета никакого нет: так было нам предначертано.

– У вас два сына, оба занимаются словом, один – писатель, второй – журналист. Есть рецепт воспитания творческой личности?

– Свои творческие судьбы сыновья вершили сами. Мы не подозревали, что Игорь пробует себя в литературе, и только в восемнадцать лет, учась в академии госуправления, он показал нам свои рассказы, которые стали для нас с женой открытием. Через несколько лет на Всероссийском совещании молодых авторов его рекомендовали в члены Союза писателей России. А Женя после школы заявил, что будет журналистом, и стал им.

– То есть, никакой программы воспитания творческой личности не было?

– Нет, я просто делился с теми, кто пишет стихи или прозу, своим опытом. И дома, и в ВолГУ, где более десятка лет был доцентом на кафедре литературного творчества.

СТИХИ ЕВГЕНИЯ КУЛЬКИНА, НАПИСАННЫЕ ИМ В РАЗНЫЕ ГОДЫ

Что нас долго томит,
То нас быстро утешит.
Зреет где-то гранит,
На слезах не замешан.
Мрамор где-то залег
На доступных глубинах.
Только это пролог
Нашей повести
длинной.
Это только порог,
Это только зацепка,

Чтоб явился пророк
Или дедка да репка.
Похвальбою живет
Православная сказка.
Но постромки не рвет
Околевший савраска.
Но Россия в слезах,
А хотелось, чтоб в
ризах.
И растет на глазах
Злое семя каприза.

И выходит на суд
Многонравное племя.
А душа, как сосуд,
Осушаемый всеми.
А душа, как побег,
И затем лишь
нетленна,
Чтобы с ней
человек
Расставался
мгновенно...

Не очень-то сладко
в других ошибиться,
Но горше – в себе
ошибиться самом.
Не просто влюбиться,
а просто забыться,
Как лист или стриж за окном.
Попробуй себя возвернуть из безвластья,
Безверья в себя самого...
Ведь долгое счастье клянут,
как ненастье,
Все те, кто имеет его.

И ЧЕСТНО РАССКАЗАТЬ О СВОЕМ НАРОДЕ

Когда мне задают вопрос, вытеснит ли Интернет книгу, я говорю примерно следующее: что написано пером, имеет магию, вырабатывающую у человека некий адреналин. Главное заключается в том, что настоящая литература, настоящая книга, как истинная любовь, будет вечной.

А вот строгость, с которой я подхожу к этой самой любви, – явление преходящее. И очень может быть, что скоро восторжествует деятельная обыкновенность, что писатель, выдавший миру одну книгу, может остальное время, отпущенное ему на жизнь, пребывать в кайфе от содеянного. Может, так и надо. Если больше не писать. А уж если взялся за перо, то ты должен держать тот уровень, на который возведет его читательская любовь. За себя могу сказать, что десятки изданных мною романов, повестей, сборников рассказов и стихов дали мне возможность охватить столько, сколько на нашей земле не удавалось никому.

Имена и судьбы

– В каких отношениях вы состоите со своим возрастом?

– Давно я изобрел форму общения с самим собой. Называется она «час благодарения». А сводится к следующему. Каждый день перед сном я благодарю Бога за то, что дал мне возможность продлить бытие до моего возраста, что избавил в свое время от соблазнов и пристрастий, за которые было бы мне стыдно и мутно, что послал мне прекрасных людей,

которыми я горжусь, что даровал мне врагов, которые дали возможность до конца оценить высокую сущность друзей. Я благодарю Бога за то, что позволил познать самого себя лучше, чем об этом думают другие. Именно возраст помогает ценить то, что дает жизнь. Ведь люди всегда были одинаковыми, разнились только условия, в которых они творили добро и зло. И именно это определяет их порядочность.

– Какой след в вашей биографии оставила война? Много ли из пережитого вы переадресовали в свои книги?

– Мне было двенадцать лет, когда началась война. Отец был военным и накануне 22 июня отправил нас с мамой из Бреста, где служил, домой, в Сталинград.

Здесь со мной произошло все, что могло произойти с подростками: и проводы на фронт отцов и братьев, и первые бомбежки, и августовский налет немцев. Мы были с другом на Мамаевом кургане, рядом с нами мирно сновал трактор, делая какую-то нужную ему работу, когда тучей пошли самолеты. Мы бежали через горящий город домой...

Мама незадолго эвакуировалась с детдомом, где работала, а я переплыл Волгу и ушел пешком к тетке, на хутор, откуда вернулся уже после битвы и попал в школу ФЗО. Мы, рано повзрослевшие мальчишки, помогали очищать город от трупов и снарядов. Попытка написать о Сталинградской битве преследовала меня чуть ли не с того момента, как она оттремела на нашей земле.

Память меня не подвела и сохранила не только судьбы, но и имена, и события, и все ощущения тех лет.

Романы «Святой с минного поля» и «Знай обо мне все» наполнены до краев той правдой, которую так часто минуют в воспоминаниях.

Сейчас идет бесстыдная спекуляция на фактах, которые касаются Победы, в том числе и Сталинградской. Их нещадно искажают, вольно трактуются документы – вот почему свидетельство тех, кто не замутил свою душу преднамеренной ложью, особенно ценно в наше время.

О Сталинградской битве один мудрый человек сказал так: «Как можно было все это увидеть и не умереть». Война была большим нравственным испытанием для народа, но она оказалась бессильна, чтобы разрушить незыблемые устои, традиции, которые основаны на православном понимании ответственности перед будущим.

Многое, что происходило со мной когда-то, сегодня не лишило меня внутреннего зренья. И душа воспринимает и откликается на прошлое с той же открытостью. Может, в этом секрет ее молодости. Но, к сожалению, мир породил еще одну войну. И стала она подлее той, которую можно назвать истинной. Эта война имеет своей целью уничтожить все, что составляло гордость русского народа – нравственность, культуру и как апофеоз того и другого – уникальную литературу.

И сейчас я нахожусь в окопах на той самой войне, вцепившись в плацдарм литературы. И именно здесь продолжается моя Сталинградская битва...

Беседовала
Юлия ГРЕЧУХИНА.

СТИХИ ЕВГЕНИЯ КУЛЬКИНА, НАПИСАННЫЕ ИМ В РАЗНЫЕ ГОДЫ

ЦЕРКОВЬ В СЕВАСТОПОЛЕ

Ее стена от пуль щербата,
И потому-то мне она
Скорей напомнила солдата,
Чем храм, где Бог и тишина.
Над ней не голуби кружили,
От близких взрывов крест дрожал,
И службу скорбную служили
В ней пехотинцы двух держав.
Темнело небо утром майским,
И корчилась от ран заря,
И лбы крестил безбожно «максим»
В проем двери из алтаря.

Детство,
Отрочество,
Юность
Уместились в три
строки.
Многошалость,
Многострунность,
Многодумье у реки.
Все к чему-то
подверсталось,
Ссадинкою поджило.
Что-то в чем-то

Завязалось.
Только –
Не произросло.
Обнажилось то,
Что тайно
Собиралось век прожить.
И душа могла случайно
Даже подвиг совершить.
Но спешила
Шаловливо
Там отметить,
Где впредь

Будет прятать взор
стыдливо,
Чтобы встрепки не
иметь.
Зрелось гордая
настанет,
Старость скорбная
придет.
Слезной проповедью
станет
Все, что время не
примет.